

ство образовательных учреждений, как бы иронично это ни звучало, превращаются в при-слугу для экономики и бизнес-групп. Другими словами, чрезвычайный политический и институциональный отклик на экономический кризис только укреплял и обеспечивал воспроизведение этого самого кризиса. Это особенно заметно в попытках нынешнего правительства Великобритании заставить университеты и колледжи позиционировать себя как экономические институты. Однако в этом отношении можно небезосновательно отметить, что высшее образование, особенно в США и Великобритании, стало продуктом экономических организаций задолго до кризиса.

Нельзя также недооценивать мощь и влияние настоящих экономических империй на современной мировой арене — таких людей и групп, как российские миллиардеры, бывшие президенты и премьер-министры стран Запада, африканские и южноамериканские «диктаторы». Хуже того, люди, выступающие против вышеперечисленных личностей, сами не выпадают из парадигмы действий своих оппонентов. Здесь невольно вспоминается огромное количество знаменитых людей, известных как «радикалы», однако являющихся членами известных и богатых семей. Учитывая упадок институциональных основ интеллектуальной мысли, начинаешь сомневаться, что в будущем человек сможет породить по-настоящему созидательные и побуждающие к действию идеи.

С другой стороны, **есть все-таки в современном мире творческие островки, которые лежат вне институциональных структур.** В некоторой степени, возрождение религии связано с отказом от «официальных» атеистических идеологий в странах бывшего соцлагеря, хотя в большинстве стран Запада атеизм (пусть временно) находится на подъеме. В любом случае, подкрепленная религией или нет, *интеллектуальная трансценденция* крайне важна и именно ее следует стимулировать и поощрять. Пока не совсем ясно, какую форму примет эта трансценденция, однако, последние заявления Обамы четко указывают, в каком направлении следует развиваться.

Несомненно, по миру рассеяно много других потенциальных обам, которые еще заявят о себе. Однако их появление задерживается очевидным несоответствием между результатами политических преобразований *внутри* государств и в системе отношений *между* ними. Если конкретнее, то политики, которые смотрят на вещи глобально, имеют мало шансов победить на выборах, поскольку они мало внимания уделяют внутренним проблемам. Это, бесспорно, одна из серьезнейших трудностей современной системы управления. ■

Специально для РЖ

ЕВРОПА ЗАДАЕТ НОРМУ, КОТОРАЯ НЕ ОБСУЖДАЕТСЯ

СЕРГЕЙ МЕДВЕДЕВ — профессор кафедры прикладной политологии ГУ-ВШЭ, теле- и радиоведущий, специалист по теории постмодерна, информационному обществу, культурной антропологии, автор книги «К новому договору власти, бизнеса и гражданского общества» (М., 2008)

Последние 20 лет мы живем в парадигме, которая была задана 1989 годом. В ней была сформулирована определенная повестка дня — транзит от политического модерна к постсовременности, которая характеризуется минимизацией роли государства, постепенным отходом от доминирующих дискурсов национальности и суверенности, «снижением» границ, плюрализмом и открытостью, заменой «пространства мест» «пространством потоков».

Эта повестка не выполнена всеми участниками того процесса. Во-первых, Россией. Вместо пост-модернизации произошла демодернизация. **Мы откатываемся к положению, которое наиболее адекватно описано в романах Владимира Сорокина «День опричника» и «Сахарный Кремль».** Мы не то что не ушли вперед от национального государства, мы вернулись во времена Средневековья: кормление, вотчины, местничество, соперничество кланов.

В Восточной Европе ситуация выглядит немного лучше, но и там постмодернистская повестка дня не выполнена. **Произошла сильная национализация и провинциализация политики, даже несмотря на то, что страны Восточной Европы вступили во все западные клубы.** Став их лицензированными членами, они принесли в них свою местечковую политику. При-

чина этого проста — Восточная Европа была лишена этапа строительства национальных государств, которое Западная Европа пережила в XVIII-XIX вв. С этими детскими болезнями они пришли в ЕС. Восточная Европа тоже не смогла совершить переход к состоянию постмодерна; она крайне напряжена в реализации национальной повестки дня, мечется между Брюсселем и Вашингтоном, воюет в Ираке, демонизирует Россию, ищет конфронтации.

И наконец, ЕС. Несмотря на провозглашенное многими аналитиками и политиками создание постмодернистского «сетевого государства», **ЕС сейчас превращается в империю нового типа, основанную не на пушках, а на законах и мягкой власти, в «нормативную империю».** В империю, которая зиждется на миссионерских принципах цивилизационного превосходства, которым уже не одна сотня лет; на том, что Европе одной известно то правильное состояние общества, к которому все остальные должны стремиться. **Европа задает норму, которая не обсуждается.** «Нормативный империализм» Европы является одновременно и «бюрократическим империализмом», а это далеко не то пост-современное состояние, о котором мечталось в 1989 году. ■

Записала Любовь Ульянова